

УДК 82-94

К РАННЕЙ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ Б.М. ЭЙХЕНБАУМА

РОБИНСОН Михаил Андреевич,

доктор исторических наук, заместитель директора по науке, главный редактор журнала «Славяноведение», Институт славяноведения РАН, г. Москва

САЗОНОВА Лидия Ивановна,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН, г. Москва

АННОТАЦИЯ.** Статья содержит ценные сведения о начале преподавательской деятельности Эйхенбаума и научных интересах этого периода и сопровождается публикацией архивных материалов.*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** письма, синтаксические проблемы, содержание, стиль, языковое сознание.***ROBINSON M.A.,**Dr. Historic. Sci., Deputy Director for science, editor-in-chief of journal "Slavic studies"
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow**SAZONOVA L.I.,**Dr. Philolog. Sci., Senior Researcher,
Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow**EARLY SCIENTIFIC BIOGRAPHY of B.M. EICHENBAUM*****ABSTRACT.** The article contains valuable information about the early teaching of Eichenbaum and scientific interests of this period and followed by the publication of archival materials.****KEY WORDS:** letters, syntax problems, content, style, language consciousness.*

В 1912 г. Б.М. Эйхенбаум (1886–1959) окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета и был оставлен здесь для получения профессорского звания.

К этому периоду относятся предлагаемые к публикации письма Б.М. Эйхенбаума, адресованные профессору университета, академику, председателюствующему в Отделении русского языка и словесности Академии наук, А.А. Шахматову (1864–1920). Содержание писем дает представление о научных интересах Эйхенбаума, а также свидетельствует о деятельном участии, которое принимал в его судьбе Шахматов, и о постоянном тесном общении молодого ученого и лидера филологической науки того времени («я сделал, как вы мне посоветовали»; «я хочу еще раз письменно посоветоваться с Вами»; «надеюсь весной окончательно побеседовать с Вами»).

Обращаясь к Шахматову за научным советом, Эйхенбаум внимательно прислушивался к его рекомендациям и, в частности, отмечал, что «сосредоточился на синтаксических вопросах по книге Овсяннико-Куликовского». Здесь необходимо отметить, что совет Шахматова был не случаен. В начале 1900-х годов проблематикой синтаксиса активно занимался лингвист, литературовед Д.Н. Овсяннико-Куликовский (1853–1920), почетный академик с 1907 года, уже первые работы которого привлекли внимание Шахматова. Так, 2 октября 1901 г. Шахматов писал Овсяннико-Куликовскому: «Меня сильно заинтересовал Ваш труд по синтаксису. Мысль Ваша дать извлечение из него для школьного преподавания представляется весьма целесообразною. Удалось ли Вам определить главнейшие синтакси-

ческие особенности, разделяющие группы русского языка, подобно особенностям фонетическим и морфологическим? Если Вы задумаетесь над этим вопросом, хорошо бы дать об этом особую заметку, не дожидаясь печатания всего труда» [1, Л. 2]. Первые результаты исследования Овсяннико-Куликовского получили самую высокую оценку: «Очень Вам благодарен, – писал Шахматов 5 апреля 1902 года, – за присланные листы синтаксиса. Прочел их с удовольствием и не ослабевшим до конца интересом. Вы проложили надежный путь для научной и школьной обработки нашего синтаксиса. Удивляюсь ясности изложения. Давно не читал книги с большим удовольствием. С нетерпением жду присылки и продолжения» [1, Л. 7]. Первое издание книги Д.Н. Овсяннико-Куликовского «Синтаксис русского языка» увидело свет в том же 1902 г.

Итак, по совету Шахматова, Эйхенбаум обратился к проблематике синтаксиса по труду Овсяннико-Куликовского, который, кстати, вышел в 1912 г. вторым изданием. Из письма от 15 декабря 1915 г. следует также, что Эйхенбаума живо интересует семантика, которая «прямо нужна для серьезной литературной работы», и он знакомится с трудом французского лингвиста Мишеля Бреалья (1832–1915), признанного основоположника новой лингвистической поддисциплины, – «Опыт семантики, науки о значениях». На М. Бреалья ученый ссылается и обсуждая проблему влияния предлогов на склонение имен существительных.

Как о вопросе, относящемся к семантике, Эйхенбаум пишет о «внутренней форме» имен существительных в русском языке и в связи с этим «об имени существительном как особой форме мысли».

Отметим попутно, что теорию внутренней формы слова, в отличие от внешней, определяемой родом, числом, падежом, впервые в русской науке выдвинул А.А. Потебня, к школе которого принадлежал и Овсяннико-Куликовский. К «большому, широкому» вопросу о «внутренней форме слова» примыкает, по мысли Эйхенбаума, «меньший» – о «бессубъектных предложениях», то есть о безличных и модальных конструкциях, не имеющих субъекта действия; ученый полагал, что «особенно интересно проследить их развитие в истории языка».

Поскольку интерес к литературе у Эйхенбаума явно преобладал, то совершенно очевидно, что фонетика и грамматические категории интересовали его прежде всего с точки зрения семантики, выражения ими определенного содержания и стиля: «Занятие языком – и не только синтаксисом, но и фонетикой, очень важны для углубления в стиль поэта. Ведь стиль создается именно чувством этой "внутренней формы" в каждом слове. Поэтому для поэта слово – не знак, а знание». Очень точно и внятно Эйхенбаум сформулировал в этом письме Шахматову свое представление о методах филологического исследования, необходимых историку литературы: «Историк литературы должен быть филологом в прямом смысле – иначе он не сумеет подойти к самому материалу. Вот почему меня так заботит вопрос о том, как соединить работу историко-литературную с чисто филологической» [3].

Однако осуществление научных планов у Эйхенбаума затруднялось необходимостью поиска постоянного заработка; известно, что с 1914 г. он начал преподавать в петербургской гимназии Якова Гуревича. Но, как следует из письма, заработка от 24 школьных уроков не хватало. В результате продолжать работу, как отмечал Эйхенбаум, «почти не удается по нехватке времени». Такое положение заставило ученого упомянуть о возможности получения для него стипендии. Как можно понять из письма, по этому вопросу велись предварительные разговоры, и, возможно, уже существовала некоторая договоренность. Вовлеченный в это дело декан историко-филологического факультета Ф.А. Браун (1862–1942), по-видимому, уже ждал от Шахматова соответствующего ходатайства, чтобы дать ему ход. Реакция Шахматова последовала незамедлительно, ученый вообще всегда отличался исключительным вниманием к подготовке молодых научных кадров, оказывая им всестороннюю поддержку [4]. На обороте письма Эйхенбаума Шахматов составил два черновика ходатайств: одно – на имя Ф.А. Брауна, другое – адресованное профессору, члену Ученого комитета Министерства народного просвещения И.А. Шляпкину (1858–1918).хлопоты Шахматова и его коллег возымели успех. Уже в следующем письме, от 27 сентября 1916 г., Эйхенбаум наряду с обсуждением научных проблем «еще раз» благодарил Шахматова за поддержку в деле получения стипендии.

Какие же научные вопросы «еще раз письменно» хотел задать Шахматову Эйхенбаум? Они касались проблемы генезиса грамматической категории рода: изложенные им положения соответствовали представлениям науки своего времени и, кстати, разделяются современной лингвистикой. Эйхенбаум интересовало, каким образом можно применить теорию рода и в каком направлении развивать свою работу, чтобы она «могла быть плодотворной». Ученый намеревался проанализировать сочинения Л.Н. Толстого и «проследить, что значит в его язы-

ковом сознании • К научной биографии Б.М. Эйхенбаума нию к словам или нет». Однако он затруднялся в вопросе о том, «на основании каких признаков можно делать заключения». Таким образом, в научных планах Эйхенбаума возникает как предмет анализа фигура Л.Н. Толстого, изучению творчества которого ученый посвятил впоследствии более сорока лет жизни [5]; известно, что над первой статьей о Толстом он работал в 1918 г.

Эйхенбаум интересовался отношением Шахматова к своей точке зрения на грамматический род, спрашивал у него совета, он даже предлагал «еще раз повидаться, чтобы побеседовать об этом», спешил прояснить для себя волновавшие его вопросы, поскольку неясность одного из них мешала ему «спокойно заниматься другим». Между тем из письма от 8 декабря того же 1916 года следует, что в круг его интересов входит также Аввакум, и он пишет Шахматову короткое письмо с просьбой рекомендовать ему одно из двух современных изданий «Жития протопопа Аввакума».

Можно предполагать, что обращение к Аввакуму также связано с интересом к вопросам синтаксиса, о которых Эйхенбаум писал в одном из рассмотренных нами писем («... проследить, насколько устойчиво было управление предлогов падежами в древнерусском, и так подойти к современному – это была бы полезная работа»), либо уже тогда возник у ученого замысел статьи «Иллюзия сказа», появившейся в 1918 г. в периодическом издании «Книжный угол» и вошедшей затем в сборник его работ «Сквозь литературу» (1924). В поисках новых теоретических подходов к изучению художественной прозы Эйхенбаум обратил внимание на роль «живого слова» в создании произведений, полагая, что «в этом отношении необыкновенно интересен протопоп Аввакум, стиль которого, я думаю, сильно повлиял на Лескова» [6].

Увлечение «чистой филологией (фонетика, семантика)», как сам охарактеризовал свои занятия в 1916 г. Эйхенбаум [2, с. 13], нашли отражение в одной из первых его крупных работ, посвященных изучению поэтического языка. В книге «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923) одна из трех ее составляющих глав посвящена вопросам поэтического синтаксиса [7] и в издании 1925 г. получила соответствующее проблеме название [8]. Работа о синтаксисе в поэзии Ахматовой стала классической и остается одной из лучших.

В публикуемых письмах Эйхенбаума периода 1915–1916 гг. проявились две принципиально важные для его научного метода установки. Это, во-первых, сравнительно-исторический подход: при обсуждении лингвистических вопросов предполагается сопоставление изучаемых явлений в таких языках, как финский, лагинский, древнерусский, русский; в другом случае речь идет о финском, грузинском, персидском, английском. Во-вторых, заметно стремление ученого постигать современное и новое через обращение к прошлому культурному опыту – языковому, литературному. Так намечались пути к оригинальной, нетрадиционной постановке вопросов и тем.

И в дальнейшем в жизни блестящего литературоведа Б.М. Эйхенбаума было много научных успехов, но немало и тяжелых испытаний, и несправедливых гонений. Уход его из жизни был воспринят питерской интеллигенцией как трагическая утрата. «Все мы в Ленинграде под впечатлением смерти

Эйхенбаума, – писал Д.С. Лихачев 29 ноября 1959 г. своему московскому коллеге А.Н. Робинсону. Дирекция (Буш[мин] и Баз[анов])¹ даже не явились на похороны. А народищу на похоронах была пропасть. Забили все здание Дома писателей. Стояли в пальто во всех помещениях вплоть до лестницы – до самого гардероба.

Слава ученого не определяется цинами и званиями!! Вот о чем следует помнить всем нам!

Хорошо говорили Еремин, Макогоненко², Шкловский (цитировал "Слово"³ – "звери кровь нашу полизали", "немного уже нас осталось").

Очень плакал Шкловский»⁴.

**Публикуемые письма хранятся
в фонде А.А. Шахматова
в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН**

1

15 декабря 1915 г.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Я сделал, как вы мне посоветовали, – сосредоточился на синтаксических вопросах по книге Овс[янико]-Куликовского⁵. Мне кажется, что в наибольшей связи с семантикой, которая меня очень интересует и прямо нужна для серьезной литературной работы*, стоит вопрос о «внутренней форме» имен существительных в русском языке и в связи с этим об имени существительном как особой форме мысли. Это вопрос – большой, широкий, а к нему примыкает другой, меньший, которым мне тоже было бы важно заняться – вопрос о «бессубъективных» предложениях. Особенно интересно проследить их в истории языка. Наконец, еще один вопрос очень меня интересует – о влиянии предлогов на склонение имен существительных. Breal находит, что "a partir du jour o`u la langue poss`ede des enaces tions, l`existence de la declinaison est mepase" [2]. Ведь, по-видимому, отсюда происходят такие пространственные формы, как «за грибам» или «я пойду к сестры»? Не остановиться ли на этом вопросе как более мелком прежде всего? Breal говорит, что в латинском языке уже во II веке по Р.Х. путали употребление падежей с предлогами: ex litteras, a rigorem⁶ и т.д. Меня интересует это

еще в связи с * • К научной биографии Б.М. Эйхенбаума не знает – ведь это самое мышление. проследить, насколько устойчиво было управление предлогов падежами в древнерусском и так подойти к современному – это была бы полезная работа.

Занятия языком – и не только синтаксисом, но и фонетикой – очень важны для углубления в стиль поэта. Ведь стиль создается именно чувством этой «внутренней формы» в каждом слове. Поэтому для поэта слово – не знак, а знание. Историк литературы должен быть филологом в прямом смысле – иначе он не сумеет подойти к самому материалу. Вот почему меня так заботит вопрос о том, как соединить работу историко-литературную с чисто филологической. Сейчас это мне почти не удается по недостатку времени. У меня 24 урока в школе, да еще приходится брать частную работу – и то трудно в такое время. Если бы дали стипендию, я мог бы устроиться иначе.

Очень благодарю Вас за участие и надеюсь весной окончательно побеседовать с Вами о вопросах для магистерского экзамена. Федору Александровичу я позволю и скажу, что написал Вам – он будет ждать письма от Вас, как было условлено.

Искренно благодарный Вам,

Б. Эйхенбаум

*Я сейчас читаю «Breal».

8 Рождественская 21, кв. 17.

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1740. Л. 1-2.

2

Письмо А.А. Шахматова Ф.А. Брауну на обороте письма Б.М. Эйхенбаума от 15 декабря 1915 г.

Глуб[окоуважаемый] Федор Алек[сандрович].

Одновр[еменно] пишу Илье Александровичу и сообщаю ему, какие у меня ближайшие виды интересовать Б.М. Эйхенбаумом и почему просил бы его иметь в виду и мое ходатайство при обсуж[дении] вопроса о наз[начении] ему стипендии. Эйхенбаум стал интересовать научным синтаксисом русского языка, а имен[но] синт[аксисом] пад[ежей] и безличными предложениями. Это побуждает меня просить и Вас поддержать ходатайство ф[акультета]. Отличные способ[ности] и широкое образ[ование] Эйхенбаума делают весьма желательным предоставление ему воз[можности] поработать в интер[есующей] его научной области.

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1740. Л. 2 об.

3

Письмо А.А. Шахматова И.А. Шляпкину на обороте письма

Б.М. Эйхенбаума от 15 декабря 1915 г.

Глуб[окоуважаемый] Илья Алекс[андрович].

Мне приходится просить Вас еще за одного оставленного при университете, за Б.М. Эйхенбаума. Узнал его в последнее время ближе по его работам по русскому языку. Определенных результатов они еще не дали, но меня радует что нашелся наконец человек, заинтересовавшийся научным синтаксисом. Эйхенбаум уже много сделал в этой области, как вижу из бесед с ним, [нрзб.] он интересуется синтаксисом падежей и безличными предложения-

«за грибам». Добавим от себя, что отмеченная Эйхенбаумом путаница предлогов является, по-видимому, результатом слияния северорусских диалектов (олонецкий, например).

¹И.П. Еремин и Г.П. Макогоненко – профессора филологического факультета Ленинградского университета.

² И.П. Еремин и Г.П. Макогоненко – профессора филологического факультета Ленинградского университета.

³ Имеется в виду «Слово о полку Игореве».

⁴ Письма Д.С. Лихачева своему московскому коллеге-древнику А.Н. Робинсону находятся в личном архиве В.А. Плотниковой-Робинсон.

⁵ По-видимому, Б.М. Эйхенбаум имеет в виду второе издание книги Д.Н. Овсяннико-Куликовского «Синтаксис русского языка» (СПб., 1912).

⁶ Idem. P. 21. Приведенные примеры взяты из следующего пассажа: «Dans in v autre, ' a peu pr`es du meme temps: ex iitteras. Le Satin d`Afrique, des l`eroque II lladrien, presente frequemment ce genre de faute. Un ingénieur de Lambese? Qui hi d`ailleurs bien sa iangue, se trompe sur ce point: il escrit: a rigorem, sine causam». "В другом тексте того же времени: ex iitteras. В латинском языке, который используется в Африке времен Адриана, ошибки такого рода встречаются постоянно. Так, инженер из Ламбеза, неплохо, впрочем, владеющий латинским, часто и ошибается в склонении – пишет: a rigorem, sine causam»). Обсуждая вопрос о синтаксисе падежей в русском языке, Эйхенбаум приводит примеры неразличения падежей родительного и дательного, творительного и дательного в таких «простонародных формах», как «я пойду к сестры»,

ми. В силу этого я в ф[акультете] подам голос за Эйхенбаума и очень Вас прошу поддержать ход[атайство] в ф[акультете] о наз[начении] ему стипендии. Без нее ему не выбиться при 24 уроках в неделю.

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1740. Л. 2 об.

4

27 сент[ября] 1916 г.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Я хочу еще раз письменно посоветоваться с Вами по вопросу о грамматическом роде. Вопрос этот очень меня интересует, но мне самому трудно решить, в каком направлении, при моих сведениях, эта работа могла бы быть плодотворной.

Мне представляется важным выяснить, когда и почему различное согласование и склонение было принято как различие именно родовое. Ведь ничто само по себе не изображает в слове именно род. Иначе кто мешал бы нам всякое применение или различие в языковых формах считать родовым? Можно думать, что такое понимание есть своего рода поэтизация грамматической формы, возникшей совсем на других основаниях. Иностранец, изучающий чужой язык, может вовсе не сознавать этих различий как родовых, а будет их воспринимать как действие разных основ. Да и самый тот факт, что финский, грузинский, персидский и английский языки не имеют рода как особой грамматической формы, много значит.

В русском яз[ыке] еще очень важно, что глагол вне причастных форм не изменяется по родам. Это значит, что грамматический род действует только в какой-то языковой группе, а не распространяет своего влияния на весь язык, как это должно было бы быть, если бы здесь была не только грамматическая форма, но и сознание рода. Значит, можно думать, что самая мысль о грамматическом роде и о классификации имен существительных по родам явилась по аналогии с именами, обозначающими одушевленных существ и повлиявших на другие основы. Слова, образованные вне этой аналогии и не имеющие никакого отношения к роду, образовали

особую группу слов среднего рода, хотя это название совершенно бессмысленно и самим своим существованием разбивает теорию рода. Вот так складывается у меня общее воззрение на грамматический род. Как же мне применить его на деле, раз я не могу по недостаточности сведений по сравнит[ельному] согласованию заметить им самим в полном объеме

• К научной биографии Б.М. Эйхенбаума интересным сделать так. Взять русского автора – напр[имер] Толстого – и проследить, что значат в его языке эти «родовые» различия в согласовании и склонении. Есть ли в его языковом сознании реальное чувство рода по отношению к словам или нет? Мне только трудно еще сказать, на основании каких признаков я могу здесь делать заключения. Не можете ли мне советом и не скажете ли, как Вы относитесь к моей общей точке зрения на грамматический род? Может быть, лучше нам теперь же еще раз повидаться, чтобы побеседовать об этом? Я спешу с этим, потому что хочу теперь же, в ближайших месяцах, поработать над вопросами по языку, а неясность одного вопроса мешает мне спокойно заниматься другим.

Еще раз спасибо за Вашу помощь мне в деле стипендии. Я теперь гораздо свободнее и не устаю.

Искренно Вас уважающий,

Б. Эйхенбаум.

8 Рождественская, д. 21, кв. 17.

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1740. Л. 3 - 4 об.

5

8 дек[абря] 1916 г.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Будьте добры – дайте мне знать открыткой, какое издание «Жизни» протопопа Аввакума Вы считаете более удобным для моей работы и правильным по тексту: Беляева (СПб., 1904) [9] или Библиотека «Старообрядческая мысль» под ред[акцией] И.В. Галкина (М., 1911) [10]?

Никак не могу найти в книжных магазинах – не знаете ли, где можно достать. Буду очень благодарен Вам за ответ.

Б. Эйхенбаум

8 Рождественская 21, кв. 17.

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1740. Л. 5 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. ИРЛИ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.
2. Breal M. Essai de semantique, science de significations / M. Breal. – Paris, 1897. – P. 19.
3. Чудакова М.О. Наследие и путь Б. Эйхенбаума / М.О. Чудакова, Е.А. Тодес // О литературе : Работы разных лет / Б.М. Эйхенбаум. – М., 1987. – С. 14.
4. Робинсон М.А. А.А. Шахматов и В.В. Виноградов / М.А. Робинсон // Русская речь. – 1985. – № 1. – С. 70–74.
5. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Исследования. Статьи / Б.М. Эйхенбаум. – СПб., 2010.
6. Эйхенбаум Б. Иллюзия сказа / Б. Эйхенбаум // Книжный угол. Обзоры. Библиография. Хроника. – Пб., 1918. – № 2. – С. 13.
7. Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова. Опыт анализа / Б.М. Эйхенбаум. – Пб., 1923. – С. 27–62.
8. Эйхенбаум Б.М. О синтаксисе Анны Ахматовой / Б.М. Эйхенбаум // Современная русская критика (1918–1924). Сборник (образцы и характеристики). – Л., 1925. – С. 213–216.
9. Жизнь протопопа Аввакума, написанное им самим / под ред. А.Е. Беляева. – СПб., 1904. – 27 с.
10. Жизнь протопопа Аввакума, написанное им самим / под ред. И.Я. Гаврилова. – М., 1911. – 62 с.